

Сяо Миньюэ моргнула и с лукавым видом произнесла:

— Госпожа сама сказала, что я — чужой человек. Стало быть, дела семьи Цзинь меня не касаются, и хочет ли малый Саньлан быть дезертиром — мне тоже всё равно. Но если ты попытаешься взвалить эту грязную историю на мою старшую сестру, я этого не потерплю. Вы же знаете, у моей сестры характер мягкий, она никогда ни с кем не ссорится, а вы раз за разом её обижаете. Госпожа Цзинь, старшая, когда-то поручила сестру заботам вашей старшей ветви, а вы, надо сказать, изрядно постарались её «облагодетельствовать».

Госпожа Лин не стала сходу отвечать, отвернулась, чтобы не смотреть на Сяо Миньюэ.

Сяо Миньюэ с презрением продолжила:

— Если я сегодня подниму эту историю, обе ваши ветви наверняка устроят скандал, и моей сестре будет больно на это смотреть. Поэтому я хочу спросить у вас, госпожа: если бы вы были на моём месте, какое решение приняли бы?

Она снова перебрала слово госпоже Лин. Та, прекрасно понимая, к чему клонится дело, мысленно обругала Сяо Миньюэ, но, натянув улыбку, сделала вид, будто ничуть не растеряна, и на лице её не осталось и следа от недавней паники.

Госпожа Лин присела рядом с Сяо Миньюэ, попыталась взять её за руку, но та отёрнула ладонь. Не смутившись, госпожа Лин продолжила:

— Ах, моя Миньюэ, ты не знаешь всей подоплёки. В тот день Цзюин тоже волновалась за невестку, и в суматохе они разбили яшмовый браслет. Цзюин хоть и княжна, но всё же младшая. Что ж удивляться, что невестка до сих пор не может унять обиду? Скажи, разве не так?

Госпожа Лин изображала радушную хозяйку, в глазах её светилась материнская ласка.

— Потом я долго уговаривала её, и только сегодня невестка смягчилась и согласилась, чтобы Цзюин вернулась из соломенной хижины домой на Праздник середины осени. Шаои больше нет, так что мы обязаны беречь Цзюин. Разве семья не для того собирается вместе, чтобы радоваться и быть в кругу близких? Жизнь-то продолжается, правда, Миньюэ?

Сяо Миньюэ улыбнулась в ответ:

— Госпожа совершенно права.

Госпожа Лин прикрыла рот платком и засмеялась до крайности фальшиво:

— Так что и ты не ищи лишних хлопот. Отдай мне шёлковое послание, и наша вторая ветвь будет спокойна, а Цзюин никак не пострадает. Обещаю: завтра же утром я лично отправлюсь с обеими ветвями и с Шаоцзюнем, и с Шаошу — и мы все вместе вернём Цзюин домой!

Сяо Миньюэ покачала свитком, и у госпожи Лин загорелись глаза.

— Раз уж госпожа так говорит, я поверю.

Госпожа Лин наконец получила вожделенный свиток и с облегчением вздохнула. Между ней и Сяо Миньюэ было обоюдное сдерживание — никто не мог провернуть дело в одиночку. Так что возвращение Лу Цзюин было для неё тактическим ходом. На лице госпожи Лин играла улыбка, но под маской она готова была разразиться проклятиями в адрес этой злобной девицы Сяо Миньюэ.

Сяо Миньюэ легко поднялась, оправила складки на одежде и тоже улыбнулась — не столь фальшиво, как госпожа Лин, но с изрядной долей насмешки. Она сказала:

— Говорят, существует три копии этого послания. Раз я смогла добыть одну, то добуду и остальные. Только вот тогда я передам их уже второй ветви. Миньюэ ждёт от вас добрых вестей, а заодно желаю вам удачного усыновления и счастья всей вашей семье.

— Спасибо на добром слове.

— Прощайте.

Госпожа Лин смотрела вслед удаляющейся Сяо Миньюэ, и уголки её губ, только что растянутые в улыбке, мгновенно похолодели.

В день Праздника середины осени семья Цзинь отправилась в соломенную хижину в уезде Цинхэ, чтобы забрать Лу Цзюин. Проснувшиеся рано деревенские старики сидели на межах и глазели. Ехало две повозки: в передней сидели госпожа Лин и Цзинь Шаоцзюнь, в задней — госпожа Цинь с восьмилетним Цзинь Шаошу.

Утром, когда госпожа Лин позвала госпожу Цинь, она ожидала капризов, но та, к удивлению, не сказала ни слова, одела Цзинь Шаошу как следует и отправилась в путь. Правда, по её бледному лицу нетрудно было догадаться, что она ещё не оправилась от потрясения.

Повозка тряслась по грязной дороге. Цзинь Шаошу, никогда прежде не бывавшая в деревне, с любопытством откинула занавеску и прильнула к окошку, на её пухлом румянном личике застыло изумление перед всем окружающим.

Госпожа Цинь сидела внутри, молча, но с мрачной злобой на лице.

Лу Цзюин в тот день встала очень рано. Она раздала часть еды, принесённой Ночной рабыней, соседним крестьянам, а когда вернулась, увидела, что госпожа Лин и госпожа Цинь вместе с

девочками стоят у входа в хижину.

Она приподняла подол, мокрый от росы, перешагнула через лужу, подошла к стогу сена, вытерла ноги и лишь затем медленно приблизилась к собравшимся, поклонившись госпоже Лин и госпоже Цинь.

Цзинь Шаоцзюнь не выносила этого благопристойного и спокойного вида Лу Цзюин, фыркнула и отвернулась. Зато Цзинь Шаошу сладким голосом назвала её старшей сестрой. Лу Цзюин тут же сорвала ветку алой осенней бегонии и протянула девочке. Ребёнок, вдыхая аромат цветка, пришёл в восторг и, застеснявшись, бросился обнимать Лу Цзюин, не желая отпускать.

Тогда госпожа Лин мягко улыбнулась и сказала:

— Цзюин, сегодня Праздник середины осени. Госпожа Цзинь, старшая, хочет, чтобы вся семья собралась за одним столом и мирно отпраздновала, поэтому она специально попросила меня приехать за тобой. Прежде и я была неправа — возникло недоразумение, которое мы не прояснили. Цзюин у нас добрая и великодушная, не станет же держать обиду, правда?

На лице госпожи Цинь появилась холодность. «Две тётки, — подумала она, — и «тётка была неправа» — это кого из двух она имеет в виду?»

Лу Цзюин опустила голову, так что не было видно выражения её лица, и по очереди поклонилась госпоже Лин и госпоже Цинь, промолвив:

— Старшая тётушка, вторая тётушка, Цзюин признаёт свою вину. Прошу тётушек не гневаться.

Госпожа Лин подошла и взяла Лу Цзюин под руку с особой нежностью:

— Мы одна семья, нечего делить на своих и чужих. Цзюин, поехали с нами.

— Слушаюсь, тётушка.

Лу Цзюин не стала ломаться и согласилась.

Цзинь Шаоцзюнь, стоявшая рядом, зацепилась платьем за ветку. Она приподняла юбку, встряхнула её и с досадой пнула дерево. Госпожа Лин дважды ущипнула её за поясницу, и та утихомирилась.

Когда Лу Цзюин зашла в хижину собираться, за ней последовала и госпожа Цинь. Та окинула взглядом убогую комнату, поджала губы, а затем, увидев, как Лу Цзюин ссыпает в мешок последние несколько горстей риса, скривилась от отвращения.

Госпожа Цинь вскинула бровь и сказала:

— Не строй из себя несчастную сиротку, а то люди подумают, будто семья Цзинь тебя притесняет.

Рука Лу Цзюин дрогнула, но она всё же затянула горловину мешка и зажала его в ладони. Она спокойно посмотрела на госпожу Цинь. Простая одежда из грубой ткани, юная девушка без капли косметики, чистые глаза, ни тени подобострастия или заносчивости.

— Вторая тётушка, это полированный рис, который прислала мне моя сестра Минъюэ. На его изготовление уходит много сил — процесс обдирки очень трудоёмкий, зерно нужно шесть раз провеять и очистить от шелухи. Даже эта горстка требует труда десятка молодых работников. Семья Цзинь относится ко мне хорошо, я никогда не считала, что меня притесняют. Если в будущем я допущу какую-нибудь оплошность, прошу тётушку не стесняться и наставлять меня.

Госпожа Цинь сама была родом из деревни и прекрасно поняла скрытый смысл слов Лу Цзюин. Но она всё ещё затаила обиду на смерть Цзинь Шао и считала, что, если бы не Лу Цзюин, она бы не потеряла любимого сына.

Госпожа Цинь запнулась, но больше не стала упрекать, а лишь сказала:

— Позже в родовом храме будут проводить обряд усыновления. Можешь прийти посмотреть на торжество.

Она произнесла это равнодушно, но в тоне угадывался намёк.

Лу Цзюин только кивнула в знак согласия, не добавив больше ни слова.

Госпожа Цинь взглянула на неё и, повернувшись, вышла.

Когда Лу Цзюин вернулась в поместье семьи Цзинь, двух служанок, прежде прислуживавших ей, тоже отозвали обратно.

А Тяо и А Цзянь были деревенскими бедняками, которых несколько раз перепродавали, прежде чем они попали в семью Цзинь. Управляющий Чжу тогда, увидев, что продавцы прилагают их в нагрузку к нескольким мальчикам-слугам, решил, что это выгодно, и оставил их. Но госпожа Лин и госпожа Цинь всё равно хотели от них избавиться и уже собирались перепродать, когда Лу Цзюин попросила отдать обеих девушек в Западный двор.

Обеим служанкам было не больше одиннадцати-двенадцати лет, с виду неказистые, но простодушные и честные, и руки у них были довольно проворные. В отсутствие Лу Цзюин их распределили на работы в Северный и Южный дворы, где они немало натерпелись от обеих ветвей. Возвращение госпожи стало для них настоящей радостью, ведь при девятой госпоже они каждый день могли есть досыта.

А Тяо ещё засветло отгладила и окурила благовониями два платья, разложив их на вешалке. Это были новые одежды к Празднику середины осени, присланные госпожой Лин.

Одно платье — длинное, в три оборота, из узорчатого шёлка цвета небесной лазури, другое — с перекрестным воротом, из бледно-лилового шёлка с облачным узором. И по качеству ткани, и по покрою оба были превосходны.

— Какое платье изволит выбрать девятая госпожа?

Спросила А Тяо, а А Цзянь уже держала наготове гребень.

Лу Цзюин взглянула на бледно-лиловое. А Тяо собралась было снять его с вешалки, но услышала:

— Это лиловое платье выглядит изящно и утончённо, оно как раз подходит к духовной чистоте Амё. А Тяо, оставь его.

А Тяо тихо ответила согласием, не проронив больше ни слова, и вместе с А Цзянь продолжила помогать госпоже одеваться и причёсываться.

Когда всё было готово, Лу Цзюин в сопровождении А Тяо и А Цзянь направилась к родовому храму семьи Цзинь, но у входа остановилась.

Этот храм в молодости госпожи Цзинь, старшей, был значительно перестроен на деньги, одолженные у её родной сестры, которая была также кормилицей Лу Цзюин. С учётом правил фэншуй тогда пришлось передвинуть и все четыре двора — восточный, западный, южный и северный. У входа в храм росли две вековые сосны с мощными корнями и густой кроной, которые после осенних дождей и ветра выглядели особенно мрачно и величественно.

Лу Цзюин заглянула внутрь храма. Несколько сизых струек благовонного дыма вились перед алтарём, на котором стояли таблички с именами предков семьи Цзинь. Внизу, в лакированных деревянных чашах, были насыпаны необрушенные зёрна проса, а аккуратно скрученные благовонные палочки, перевязанные жёлтым шёлком, лежали ровными рядами.

По обе стороны от алтаря на циновках сидели родичи.

Завидев Лу Цзюин, сородичи зашептались. Лу Цзюин отвела взгляд и, сложив руки, стала ждать.

Вскоре подошла госпожа Цзинь, старшая, которую поддерживали под руки Цзинь Жухуэй из второй ветви и госпожа Цинь. Лу Цзюин вовремя поклонилась. Госпожа Цзинь, старшая,

дрожащей рукой взяла Лу Цзюин за руку и долго гладила её. Старуха не проронила ни слова, но Лу Цзюин внутренне всё поняла и тихо пожелала ей здоровья.

За ними следовала госпожа Лин из старшей ветви, ведя за руку трёхлетнего малыша, которого собирались усыновить. Рядом шли Цзинь Шаоцзюнь и Цзинь Шаошу. Цзинь Шаоцзюнь, увидев, что госпожа Цзинь, старшая, первой ввела Лу Цзюин в храм, разозлилась и резко вырвала свою руку из руки Цзинь Шаошу. Та не стала капризничать, а, выскользнув, словно юркая рыбка, подбежала к Лу Цзюин и, смеясь, ухватилась за её юбку.

Когда все заняли свои места, один из почтенных и учёных родичей семьи Цзинь начал проводить обряд усыновления.

Лу Цзюин, опасаясь, что Цзинь Шаошу начнёт шалить, взяла её за руку и встала позади. Она смотрела, как Цзинь Жухуэй достаёт благовонные палочки, завернутые в жёлтый шёлк, зажигает их и трижды кланяется предкам. Цзинь Жухуэй был высок, одет в синее платье, волосы стянуты в пучок. Раньше, когда он увлекался каноническими книгами, он был учтивым и интересным книжником, но потом, поддавшись наваждению, пустился в любовные утехи и теперь являл собой образ распутного и разнузданного человека.

В отличие от бесстрастного выражения лица Цзинь Жухуэя, лицо госпожи Цинь выдавало крайнюю досаду.

Госпожа Лин тоже не умела скрывать своих чувств: она присела на корточки, обняла малыша, принялась целовать и гладить его, словно хвастаясь родным сыном. После того как были соблюдены все формальности, оставалось только, чтобы ребёнок возжёт благовония и получил новое имя — тогда обряд можно было бы считать почти завершённым.

Благовонные палочки подал пожилой родич.

Малыш по имени Люлю взял их, не понимая, что происходит, и стал повторять движения за старшими. Сначала он сжимал палочки, и ладони у него вспотели. Он невольно дрогнул, а когда после земных поклонов поднялся, на тыльную сторону руки упал пепел. Ребёнок, никогда не бывавший в таком многолюдном месте, почувствовал боль и всхлипнул.

Когда Люлю захныкал, родичи по обе стороны заметили неладное.

Старик, стоявший рядом, взглянул на благовонные палочки в руках ребёнка и, нахмурившись, воскликнул:

— Что это с благовониями?

Лу Цзюин, услышав голос, тоже посмотрела. Одна из палочек в руках Люлю горела необычно медленно.

— Две короткие, одна длинная — зловещее предзнаменование.

<http://bllate.org/book/20335/2031090>